

В Священном Писании Нового Завета содержатся два текста, которые послужили основанием св. таинства Соборования. Св. ап. Иаков в своем послании дает прямое указание христианам прибегать в случае болезни к помощи Божией, и по стилю своему весь этот текст преподается как заповедь, которую и приняла Церковь Христова. «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров церкви, и пусть помолятся надь ним, помазавши его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и возставит его Господь; и если он сделал грехи, простятся ему» (Иак. 5. 14-15).

Сам св. ап. Иаков именуется братом Господним, потому что он был сыном праведного старца Иосифа Обручника от его брака с Саломией, которая умерла, оставив ему четырех сыновей: Иакова, Иосию, Симона и Иуду и трех дочерей: Есфирь, Фамарь и Саломи. По этому поводу евангелист Матфей, говоря о недоумении евреев, которые поражались премудростью Христа Спасителя, приводит их слова: «Не плотника ли Он сын, не Его ли Мать называется Мария, и братья Его: Иаков и Иосия, Симон и Иуда» (Мф. 13. 55). На одной древней византийской мозаике «бегство во Египет» изображен праведный Иосиф, ведущий ослика, на котором сидит Матерь Божия с Предвечным Младенцем, а за осликом шествует сын Иосифа – Иаков.

По сошествии Св. Духа ап. Иаков остался во святом граде и от всех апостолов был избран первым епископом Иерусалимской Церкви. Как епископу Иерусалима, в котором совершились спасительные Страсти, крестная смерть и Воскресение Господа нашего Иисуса Христа, Священные События, наполняющие все наши богослужения, апостолу Иакову подобало составить и первую божественную Литургию, на основании которой

сложились литургии св. Василия Великого и св. Иоанна Златоустаго. На это первенствующее значение ап. Иакова, как автора чина общего и частного богослужения, и указывает нам Церковь, когда в кондаке св. ап. Иакову в день его празднования 24-го октября воспеваает: «Отчее Едннородное Слово, пришедшее в последния дни, Иакове божеетвенне, перваго тя показа Иерусалимляном пастыря и учителя, и вернаго строителя таинств духовных: темже тя вси чтим, апостоле».

Второй текст Священного Писания, свидетельствующий о существовании таинства соборования во времена апостольския, мы встречаем у евангелиста Марка. который, описывая первую проповедь апостолов и их деяния, говорит: «Они пошли и проповедовали покаяние, изгоняли бесов, и многих больных мазали маслом, и исцеляли» (Мк 6. 12-13).

В, апостольский век и их непосредственных учеников божественная литургия являлась сердцем всей богослужебной и духовной жизни первых христиан. Совершая литургию, христиане обращались ко Господу со всеми своими нуждами, скорбями и радостями, то прося Бога благословения на брачную жизнь, то молясь о упокоении своих сродников и друзей, или о ниспослании или прекращении дождя, о исцелении недужных или душевно больных, одрежимых.

Прочия богослужения, как вечерня, утренняя, часы были как бы приготовлением к литургии, в широком смысле даже ея началом. В весь суточный богослужбный круг первые христиане вставляли молитвы данной своей духовной нужды. Тогда еще не было терб в нашем современном смысле этого слова. Не было также еще и нашего школьного понятия о семи таинствах и о двенадцятих праздниках. Христиане глубоко верили, что сама Церковь есть самое великое таинство, и потому все что ни творила Церковь почитали таинством. Мы утратили это первохристианское богослужебное мироощущение, хотя и сейчас глубоко сознаем, что, например полное освящение храма Божия, великое освящение воды, чины малой и великой схимы, все чины погребения являются по существу своему великими таинствами Церкви Христовой. Нам порой, может быть, не хватает духовнаго диапазона, чтобы понять и по понятию этому почувствовать, что число семь есть таинственное число безпредельности. И так, все наши так называемые частныя богослужения-требы были постепенно выделены из утрени или литургии, как двух самых главных богослужений, и превращены в самостоятельные службы. Можно и теперь найти во всех молебных пениях и в других отдельных требных службах остатки контура то утрени, то литургии в зависимости оттого, из какого богослужения была взята данная треба. Вся служба венчания, например, несет в себе настолько полный образ божественной литургии, что в сем богослужении не хватает, казалось бы, только евхаристического канона. Напротив – все молебны по схеме своей были скорее всего взяты из утрени. Этот процесс выделения и затем развития чина частных богослужений завершился приблизительно полностью к концу VIII века.

Такая схема развития частных богослужений видна во всех этих службах, кроме чина таинства соборования, которое является исключением, ибо стоит особняком, труднее всего поддается исследованию и которое достигло своего полного развития гораздо позднее и совершенно самостоятельно в истории богослужения.

Протестантские критики вместе с Пуллером утверждают даже, что это таинство было введено в Церковь только в XII веке, что до этого оно вообще не существовало. Такое ошибочное мнение можно отнести неверию протестантской школы в святое

Предание. Кропотливые исследователи, они действительно встретили чин Соборования впервые в XII веке и, не находя в письменных памятниках явной связи с предыдущими веками, сделали поспешный вывод, что в XII веке соборование и появилось, как совершенное новшество в Церкви.

Мы, конечно, верим и знаем по свидетельству свв. Отцов, что св. Таинство Елеосвящения, или Соборования потенциально всегда существовало в Церкви Христовой, но в начале оно выражалось в самой простой и краткой форме. Помазание св. елеем ради исцеления от болезней, для прощения грехов и перед смертью, часто упоминаемое св. Отцами Восточной и Западной Церкви, и было его первичным видом.

Св. Ипполит (200-201 г.) в своем толковании прор. Даниила, обращаясь не к готовящимся ко св. Крещению, но к согрешившим уже после Крещения, предлагает им употреблять елей «дабы представить Богу непорочное тело и чтобы вы возжгли свои светильники в ожидании Жениха».

Св. Иринея (140 г.) указывает на употребление св. елея на верных, готовых перейти в жизнь вечную, когда на их головы возливали елей смешанный с водой, дабы души их не были захвачены или задержаны князем мира сего.

Ориген (186-254 г.), перечисляя шесть способов возстания от греха, упоминает мученичество, милостыню, всепрощение, ревность о Боге, любовь к Богу, которое должно заканчиваться по слову ап. Иакова: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне» (Иак. 5. 14).

Св. Афраат (338 г.) епископ и настоятель монастыря Мар Маттея, который еще до преп. Иоанна Дамаскина изложил первое систематическое учение о православной вере, упоминая о всех таинствах, кроме брака, пишет: «Св. елей образ таинства жизни, творит христиан, священников, помазует царей, пророков, просвещает мрак, помазует болящих, возставляет кающихся».

В Лавсаике приведены несколько случаев помазания елеем Антонием Великим, двумя Макариями и преп. Исидором, которые все были в иерейском сане.

Св. Серапион, еп. Тмуитский (282-306 г.) друг св. Афанасия Великого, оставил нам молитву над елеем, в которой говорится: «Молимтися Боже наш, Источниче всякия силы и власти, Спасителю всех человеков, Отче Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, призри на молитву нашу и ниспосли с высоты небесной благодать Единородного Сына Твоего Господа и Спаса нашего Иисуса Христа на елей сей, дабы все помазующиеся от него и все zde ныне предстоящие избавлены были от всякия болезни, демона лукаваго и от всякаго нечистаго духа».

Конечно, несмотря на все вышеприведенные примеры употребления св. елея в Церкви, всех литургистов всегда поражало молчание об этом таинстве, как богослужбном чине в течение первых девяти веков. Однако если бросить беглый взгляд на всю историю развития богослужения, то такое недоумение может частично рассеяться. Во-первых, само по себе это таинство не является исключительно необходимым и наиважнейшим в деле нашего спасения, как крещение, исповедь и Евхаристия. В первые века гонений не соборовали мучеников, которые не могли принять от Церкви даже святого Крещения и часто крестились только в своей крови. Не совершали сего таинства над томящимися в темницах, над сосланными в рудники и галеры. Церковь шла на крайние уступки и, чтобы причастить умирающего, поручала диаконам и порой даже мирянам тайно нести святые Дары. Браки сплошь и рядом были

смешанные, и далеко не безопасно было призывать священнослужителей на дом. Все это говорит за то, что чин Соборования начал развиваться постепенно и достиг своей полноты только тогда, когда Церковь, пройдя через кровавые гонения, смуты от бесконечных терзавших Ее ересей, получила не только право на существование, но, победив язычество, заставила думать весь мир по-христиански и создала во всей вселенной христианское мирозерцание. Таинство Елеосвящения таким образом есть таинство мирной, степенной, дышащей полной грудью жизни церковной.

IV золотой век христианства, украшенный величайшими светильниками и учителями Церкви, был однако помрачен недугом своего времени, на который неоднократно жаловался свят. Иоанн Златоуст. Духовенство в своей массе было грубо, невежественно и еле-еле справлялось с божественной литургией, что может быть и вынудило великого Святителя сказать эту горькую фразу «не мню, что много священнослужителей спасется».

Наконец, до V века на Востоке и до VII на Западе не было ни одного толкования на послание св. ап. Иакова. А самое древнее толкование на Евангелие от Марка на греческом языке, в котором есть прямое указание на применение св. елея, как духовного целебного средства, принадлежит Виктору Антиохийскому середины V века.

В таком отсутствии письменных памятников мы усматриваем действие нарочитой воли Божией. Если наша Церковь зиждится на двух столпах: на Спящем Писании и на Сятом Предании, а последнее мы понимаем в его этимологическом смысле, как передавание от поколения в поколение, то не есть ли это дело Промысла Божия все православное богослужение оставить нам, как второй столп Церкви, как Предание в самом чистом его виде. И даже появление позднейших толкователей божественной Литургии – Николая Кавасиласа (1320 г.) и Симеона Солунского (1410-1429 г.) нисколько не противоречат этой мысли, потому что они оставили прекрасные толкования на богослужения, которые совершались в их времени, богослужения уже полностью сложившиеся, но и они исторически не связали их с предидущими веками.

Хотя и неизмеримо более духоносно и возвышено, но они совершили фактически то же, что и Никольский, Булгаков и Гоголь в наши дни. Не провиденциально ли и греческий ум был занят только ювелирным оттачиванием богословских глубин. Когда читаешь преп. Феодора Студита, который преподает своим монахам поучения почти на каждый день, то поражает полное отсутствие у этого святого хотя бы самого скудного упоминания о богослужении, о чине. Наш русский святой преподобный или святитель непременно указал бы хоть раз на обряд, на то, что происходит в храме и сделал бы из этого поучение. Два разных дара Божиих. Господь знает что и когда нужно Его Церкви.

Из светской литературы Византийской империи мы тоже очень мало что можем почерпнуть. Император Константин Порфирородный, который оставил свою книгу об обрядах и церемониях в Византийской империи, драгоценный исторический памятник, не дает почти никаких сведений о богослужебном чине. Описывая крещение, бракосочетание или коронацию, он ограничивается, интересуется только чином со стороны двора и придворных. Когда же день за днем он проводит нам всю жизнь императора в Страстную Седмицу, то Великий Четверток, когда был чин Соборования для всех верных, по свидетельству западных писателей Льва Аллация и Петра Аркадия, он просто пропускает, только потому, что в этот день император всегда посещал больницы, раздавая милостыню нищим и больным.

Из Византии Таинство Соборования перешло к нам в русскую Церковь уже почти в

таким виде, как оно совершается в наши дни. Совершенно до сих пор было невозможно определить, когда точно оно у нас появилось, как тоже неизвестно, когда в Москве был установлен чин Мирования. Но не подлежит сомнению, что в древней Руси наше духовенство деревень и малых городов страдало невежеством, а порой и просто было малограмотным, почему Таинство Соборования могло быть только совершаемо при больших и главных кафедральных соборах в Киеве, Москве и Новгороде. Со времени же повышения образованности и почти одновременно с наукой к нам пришли неожиданные гости: протестантский рационализм и западная схоластика, наложившие свою тяжелую печать на всю нашу богословскую школу, печать от которой и до сего дня мы не можем полностью освободиться. От такого влияния таинство Соборования стали понимать, если не полностью по западному учению, как предсмертное «последнее помазание», то во всяком случае, как таинство, преподаваемое при тяжких заболеваниях, а тот древний обычай преподавать его раз в год в Вел. Четверток или в Вел. Субботу всем христанам стали или совсем отрицать, как никогда не существовавший, или разрешать его раз в год и только при кафедральных соборах и непременно совершаемое самими архиереями, чем как бы напоминали всем священникам, что они еще не достаточно образованы чтобы его совершать, как это было в древней Руси.

От такой запутанности понятий мы до сих пор еще неправильно относимся к Таинству Соборования, чуждаемся и боимся его. И такие мнения о нем разделяют не только рядовые верующие люди, но часто люди богословски образованные и даже священнослужители. Сначала укажем на заблуждения по отношению сего Таинства среди нашего простого народа.

Тут мы встретим самые невероятные верования и суеверия. Говорят, например, что его нельзя принимать, потому что после него нельзя больше грешить. Но этого требует каждое таинство Прав. Церкви. Однако немощь человеческая и страшное непостоянство нашего сердца нас постоянно паки и паки ввергают в грехи, от чего Господь и заповедывал нам прощать кающимся и до «седмиды семидесяти крат», т. е. другими словами бесконечное число раз, пока есть в ноздрях наших дыхание, а в душе покаяние. Другия заблуждения, почти что комические, гласят, что после сего таинства нельзя больше ходить босыми ногами, нельзя больше никогда купаться, раздеваться, нельзя веселиться, нельзя разделять супружеского ложа и т. д. Во всех этих народных мнениях проглядывает мысль, что это Таинство является некой схимой для мирян, отречением от всего мирского, что совершенно противоречит учению Церкви о Соборовании.

Можно найти только у одного западного богослова некоего Симеона XII века, который для западной школы того времени дал обширное описание и толкование всех богослужений, довольно странное мнение, не принятое совсем и впоследствии Римско-католической Церковью. По мысли этого богослова все члены нашего тела от момента помазания их св. елеем посвящены Богу и потому после Соборования нельзя больше разделять супружеского ложа. Таким образом для принятия сего таинства необходимо согласие одного из супругов. Это мнение даже на Западе является еретическим, и совершенно непостижимо, как оно вместе со схоластикой могло проникнуть в наш простой народ, если не предположить, что и схоластика есть некая общая всему человечеству греховная склонность.

Но не будем задерживаться на заблуждениях нашего простого народа, который легко поддается исправлению. Гораздо серьезнее обстоит дело у нас с заблуждениями образованного общества, потому что тут каждое такое кривое мнение обдумывается,

воспринимается уже как свое личное, кровное, с которым до боли трудно расстаться. Разсмотрим более подробно этот вопрос. Все наши богослужения своим чином относятся к двум естественным силам нашей души: к силе умственной и к силе, выражаясь святоотеческим языком, вожделевательной или силе чувства. Если мы правильно верим в Бога, мы правильно думаем и правильно все ощущаем, и это не только в духовном мире, но во всех явлениях нашей многогранной жизни.

Очищенная правой верой наш ум и наше сердце становятся способными взирать на весь мир ясным оком, ибо истина освобождает нас не только от плена наших страстей, но и от всякой ложной мысли и понимания.

Подпав под влияние западных богословских школ, мы невольно восприняли и их образ мышления и их эмоциональное ощущение. На Западе веками рассматривали соборование как «последнее помазание», которое одно время откровенно называлось «таинством смерти», а в средние века принимавших его лишали даже всякого права делать как бы то ни было завещания, как людей уже умерших. Такое отношение к этому таинству наложило на него печать страха и ужаса, что отчасти перешло и к нам, и до сего дня прочно держится в нашем обществе. Мы боремся с таким кривотолком, но боремся с негодным оружием, потому что, хотя и полностью на словах отрицаем мысль «последняго помазания», но фактически возвращаемся к ней же, когда учим, что никогда и ни при каких условиях его нельзя преподавать не больным. Под больными мы все-таки подразумеваем тяжело больных, а тут уж только один шаг для нашего подсознания, которое, продолжая мысль, упирается снова в предсмертное таинство. И не выйти нам из этого духовнаго тупика без решительных сильных мер. Мы должны, во-первых, вернуться к святоотеческой мысли о Соборовании, как таинстве исцеления в покаянии в грехах своих, источников всех болезней телесных и душевных. Чтобы эта мысль удержалась в жизни Церкви и в богословской школе, которой более свойственно подпадать под влияние временных течений, необходимо вернуться к древней практике соборования всех на Страстной Седмнице в Великий Четверток или в Великую Субботу, практике, освященной древним Преданием. Этим мы снимем с этого таинства покров страха и приблизим его духовно к нашим пасомым, как сильное возрождающее к праведной жизни и Богом благословенное средство.

Пусть монастыри, истинные хранители чистоты веры послужат нам здесь верным указанием правильного пути. На Афоне в Великий Четверток до сих пор совершается раз в год это таинство над всеми насельниками обители. Оттуда оно перешло к нам в Оптину. Оно же совершалось над всеми желающими в эти дни в Св. Софии Новгорода и в Успенском Соборе в Москве. Вот что пишет по этому поводу исследователь древних церковных обрядов И. Снегирев: «Для чтителей священных обрядов православной Церкви заметим, что в который год не бывает мироварения (в Москве) совершается в Успенском Соборе умовение ног; но ежегодно этот великий день там ознаменовывался после утрени совершением таинства елеосвящения или Соборования. При этом торжественном и умирительном священнодействии, по прочтении диаконами семи Апостолов, а архиереем семи Евангелий, чередным архимандритом, протопресвитером и пресвитерами, архиерей помазывает самого себя и сослужащих освященным елеем, соединенным с красным вином, а пресвитеры предстоящих».

Преосвященный Иннокентий архиеп. Херсонский во время осады Одессы совершил соборование над всеми осажденными, и, замечает летописец, никто из принявших его не пострадал. Наш великий святитель Божий Димитрий Ростовский утверждает что, «в

Великий Четверток могут принимать его и здоровые, потому что в этот великий и святой день на вечери Христос уставил новый завет тела и крови Своей; посему и можно приобщиться этой тайне и здоровому человеку, неведущему ни дня ни часа своей кончины».

Благочестивый греческий народ во дни Страстной Седмицы ежегодно, а именно в Великую Среду, прибегает к сему таинству, как к высшему врачеству всех болезней душевных и телесных, немощей и грехов. В самом чине Соборования мы во всех семи молитвах просим Бога простить нам согрешения наши и исцелить, а заканчивается весь чин образом всенародного покаяния, когда прося прощения делают всем и друг другу земной поклон.

Нам должно было бы стыдно держаться еще средневековых понятий о сем таинстве, когда и Католическая Церковь в своем пастырском богословии называет это таинство не «последним помазанием», а «таинством недужных» и стремится освободиться и освободить своих верующих от ига мысли о предсмертном обряде. У нас же под влиянием старой школы схоластов есть священники, которые могут сознаться, что за всю свою долгую пастырскую деятельность они ни разу в жизни не совершили ни одного соборования.

Чтобы закончить этот краткий обзор мы хотим еще привести некоторые размышления актуального характера.

В наше время до крайности развитой техники все способствует к интенсивности и напряженности греха. Мы больше видим, слышим, ощущаем за одну неделю, чем наши прадеды за пять лет. Во одно мгновение по эфиру мы приобщаемся к событиям всего земного шара; в скором почти что молниеносном нашем передвижении мы воспринимаем массу впечатлений, а теперь мы и видим через телевидение почти все, что творится на нашей уже делающейся скучной земле. От такого нагромождения чувств, мыслей и просто ощущений наша душа изнемогает. В таинстве исповеди нам и на мысль не приходит каяться в закоренелых, кажущихся нам невинных привычках, мы не каемся в безчисленных и неосознанных наших психических комплексах; мы не каемся в невольных грехах, в безчисленных суевериях, которые нам приносят безчисленные беды, ибо суеверие есть некое самопроклятие; мы не каемся в забытых грехах, которые однако лежат тяжелым бременем на наших душах.

Вера ведь есть сила нейтральная, приносящая нам блага, когда мы верим в Бога, но горе, болезни и беды, когда мы верим в суетные (суеверие) вещи: в число 13, в черную кошку и в прочия басни. По вере нашей мы и восприимлем. Мы часто живем в атмосфере полной лжи, подделываясь и подделывая всю свою жизнь под хорошее о себе мнение, которое ошибочно сложили о нас люди. Мы играем в жизни, как хорошие актеры, совсем не думая о ложности и греховности такого состояния. Со всех сторон нас соблазняют «итти в страну далече», и эти соблазны принимают иногда невероятные, замысловатые формы, и мы, по грубости своего сердца и невниманию, попадаем в капканы врага рода человеческого. Пред таким сильным натиском наших страстей, нашего внутреннего и внешнего врага нужны сильные средства, и как желательно было бы воскресить в нашей Церкви повсеместно этот древний обычай раз в год по милости Божией омыwać всю эту тину грехов, разрывать эту тонкую паутину дьявола и делать это именно во святые дни Страстной Седмицы, когда очищенные постом и усиленной молитвой, мы приближаемся к празднику праздников, к самой цели всего домостроительства Божия, к нашему воскресению духовному вместе со Христом в той степени и с той силой, с которыми мы

очистим себя от всякой скверны плоти и духа.

Монреаль, 1986 г.